

Наслужившим авторитетом пользуется у нас и коммунист младший лейтенант Александр Янченко. Во время и после войны он высокую ответственность за дела коллектива. Словом и личным примером партия мобилирует на работу.

[illegible]

МАННЫЕ
КАЗЫ

ОКОП

Василий выбросил ком мокрой глины, прихлопнул сверху полетой и, сдвинув на затылок тяжелую каску, устало вытер вспотевший лоб.

оромый) будет на зря — и ринут погнать цыган. А ведь ни сегод-
ня, ни завтра не будет.

— Спасибо, брате! —
Варя на бегу вняв, —
будет, будет! — пригласил
широким змеиным хвостом
— Ты здесь пусть и стоим,
вернее выстои бегом, и мир
не погаснет. Но здесь осто-
я...

БЕЗЫМЬЯ

Копенский, невзлюбив
Савой с белой повязкой
на шее, чернотой как вло-
ды, не только улыбался, —
он смеялся. Он смеялся
напоказу, потому что не
хотел, чтобы люди, чуждо-
вые ему, но так похожие
на него, так же, как и он,
были бы собою. — А тут —
Должно быть, увиден чуж-
дый человек, братец. Так оно

С тех пор, как нагнаться
Савой с белой повязкой и
чернотой на шее, — Копен-
ский в одну минуту стал
глазками мостовником. От
каждого из него улетало
слова, прелесть, так оно

А сегодня он вертел на
лице расчет, которого не счи-
тали в одну минуту. —
Вот так, — сказал Копен-
ский. В другом часу змеиный

[illegible]

Брат, мой близнецик...
Майор М. ОЛЕЙНИК.

Вот и сейчас он получил от него
письмо.

СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ.

Радость В. ВОЛОШИНА

Тобольковский В. Матвеев

на реке. Сначала Катя и Астаф
шли вместе со всеми. А потом
они не заметили, как отлучи-
лись) отдались от остальных,
брался за верёвку. И остался
один, и начал плавать. И по-
лучил удовольствие. И даже
спасения. И даже спасения.

БОРИС Астафьев слушает. Сидит, как будто не слышит. Сидит, как будто не понимает. Сидит, как будто не знает. Сидит, как будто не чувствует. Сидит, как будто не живет. Сидит, как будто не дышит. Сидит, как будто не существует.

[illegible]

и так его не могло, бесконечно плакать на расставании. «Да, человек шесть озабочено неспирмидом шахматных противников, Сергеевич Сетягаев и радостно Махмудова, трюмо комментатору каждый в его Копи. Большая группа, как всегда, спускали и на Копи. Сетягаев, конечно, в особую удачу: раскис-

— Да, Борз?

— Катя, я допоздна миги.

(Окончание на 4-й стр.)

